

Нань Цзин подобрал с пола спортивную форму. Сегодня у его класса намечалась физкультурная аттестация, так что переодеться нужно было обязательно. Но главное — в спешке убегая из раздевалки, он оставил там студенческий билет и ключи от комнаты.

Крепче сжав в руках плотную ткань, Нань Цзин нерешительно посмотрел на темный коридор, а затем перевел взгляд на безупречный, словно высеченный из мрамора профиль Бай Гуаньиня.

— Бай Гуаньинь, ты не мог бы сходить со мной? — тихо, сдерживая дрожь в голосе, спросил он.  
— Мне нужно забрать вещи и... переодеться.

«Переодеться?»

Бай Гуаньинь слегка повернул голову и равнодушно скользнул взглядом по лицу юноши. Обычно фарфоровая кожа Нань Цзиня сейчас казалась мертвенно-бледной, губы были плотно сжаты, а в светлых глазах метался отчетливый, ничем не скрываемый страх. Юноша явно был сильно напуган.

— Пожалуйста, — добавил Нань Цзин.

Бай Гуаньинь молча кивнул и направился напрямик к дверям раздевалки.

Вид уверенной, статной фигуры Бай Гуаньиня необъяснимым образом дарил чувство безопасности. Облегченно выдохнув, Нань Цзин поспешил следом, стараясь не отставать ни на шаг.

Обычно дорога до раздевалки занимала не больше пяти минут, но сейчас это время казалось вечностью. Сырой, промозглый воздух коридора проникал глубоко под одежду, и Нань Цзин чувствовал, как ледяной холод медленно разливается по телу, подбираясь к самым кончикам пальцев.

— Пришли, — идущий впереди Бай Гуаньинь резко остановился.

Нань Цзин по инерции уткнулся лбом прямо в его лопатку. В нос мгновенно ударил тонкий, прохладный аромат лотоса. Под его лицом плечо Бай Гуаньиня едва заметно дрогнуло.

— Прости, — Нань Цзин поспешно отступил на полшага назад и боязливо заглянул из-за чужого плеча внутрь комнаты.

Там по-прежнему никого не было. Через небольшое, высоко расположенное окошко пробивались косые лучи бледного солнца, мягко освещая унылые ряды шкафчиков. Все выглядело совершенно буднично — никакого жуткого силуэта с вывернутыми суставами, который он видел всего несколько минут назад.

«Неужели просто померещилось?»

Крепко прижимая к груди спортивную форму, Нань Цзин подошел к своему шкафчику. Первым делом он вытащил студенческий билет и ключи, спрятал их в карман и тут же захлопнул дверцу.

Он уже взялся за молнию повседневной куртки, намереваясь переодеться, но вдруг помедлил. Вообще-то в раздевалке имелись отдельные кабинки, однако парни редко ими пользовались, предпочитая переодеваться прямо у шкафчиков — все ведь свои, чего стесняться?

Но сейчас... Нань Цзин внезапно вспомнил, что у него вообще-то есть парень.

Попросить Бай Гуаньиня выйти теперь казалось верхом глупости. Подумаешь, просто сменить одежду. Если он начнет привередничать, это будет выглядеть так, будто он придает этому слишком много значения. Нань Цзин мысленно взвесил все за и против и пришел к выводу, что лишние слова лишь усугубят неловкость.

Слегка отвернувшись и закусив губу, он скинул сине-белую куртку, которая тут же повисла на его худощавых плечах. Действуя как можно быстрее, юноша расстегнул пуговицы форменной рубашки, аккуратно сложил ее на полку и торопливо натянул через голову простую белую футболку.

Хлопковая ткань оказалась довольно свободной, а поскольку в помещении по-прежнему царил сквозняк, Нань Цзин зябко передернул плечами и поспешил накинуть куртку обратно. С брюками все прошло куда быстрее — меньше чем за полминуты он сменил школьные штаны на синие спортивные шорты до колен.

Бай Гуаньинь тем временем внимательно осматривал углы и потолок раздевалки, но так и не обнаружил ничего подозрительного. Повернувшись, он застал Нань Цзиня за сосредоточенным завязыванием шнура на поясе.

Под потолком тускло горели три ряда люминесцентных ламп. В просторном, погруженном в полумрак помещении их холодного света явно не хватало, и лишь из узкого, забранного железной решеткой вентиляционного оконца падал тонкий солнечный луч.

В этом тусклом свете кожа Нань Цзиня казалась почти прозрачной. Край белой футболки мягко очерчивал бедра, из-под свободных шорт виднелась пара стройных, безупречно прямых ног. Изящные голени переходили в чуть более округлые бедра, а аккуратные колени нежно розовели от прохлады.

«А ноги у него действительно красивые и прямые».

Завязав узел, Нань Цзин поднял голову и наткнулся на этот изучающий, холодный взгляд.

Сердце испуганно екнуло. Ему тут же показалось, что за спиной снова соткалась жуткая тень.

— Т-там... позади меня кто-то есть? — сдавленно спросил он.

— Никого, — Бай Гуаньинь отвег взгляд и ровным голосом добавил: — Пойдем. Пора на стадион.

Нань Цзин не сразу обрел спокойствие. Он быстро захлопнул шкафчик, натянул куртку и поспешил за сопровождающим. По дороге к выходу они не проронили ни слова, но едва они покинули здание спортивного комплекса и на них хлынул поток теплого солнечного света, Нань Цзин наконец почувствовал, как оочеченвшие пальцы согреваются.

Их учебные группы занимались на разных площадках. Нань Цзин уже пробежал вперед несколько шагов, направляясь к своему классу, как вдруг резко обернулся. Черные пряди мягко рассыпались по лбу. Он неловко улыбнулся и крикнул:

— Спасибо тебе! С меня обед в малом кафе!

В Старшей школе Сунлинь кормили превосходно. Даже в обычном буфете выбор блюд всегда радул разнообразием, а уж в малом кафе и вовсе подавали кулинарные шедевры: кантонские димсамы, ароматный рис в глиняных горшочках, сочные блюда на теппане и даже мини-хого. Семья Нань никогда не баловала юношу карманными расходами, так что сам он заглядывал туда крайне редко.

Не дожидаясь ответа, Нань Цзин помахал рукой и поспешил к своей группе.

Мяо Цзиньли уже поджидал друга на беговой дорожке. Заметив, откуда тот пришел, он заговорщицки прищурился:

— Ого, вышли вдвоем из раздевалки? И чем же вы там занимались, а?

— Да ничем особенным... Просто переодевались, — удивился Нань Цзин.

«А что еще мы могли там делать? Только одежду сменить... Да и нервы, кажется, совсем ни к черту — всякая жуть мерещится».

— Серьезно? — Мяо Цзиньли разочарованно вздохнул. — Вам обоим уже есть восемнадцать, а вы до сих пор ничего... Я-то думал, у вас там искры летят.

Нань Цзин лишь покачал головой.

«От этой болтовни у него не нашлось слов. Впрочем, какая разница? Юноша решил, что сразу после того, как они закончат с этим ритуалом призыва Карандашного духа, он расстанется с Бай Гуаньинем. С загадочным новеньким он тоже не собирался иметь никаких дел. Сдать бы экзамены, поступить в университет, найти спокойную работу — вот предел его мечтаний».

Мяо Цзиньли по-дружески закинул руку ему на плечо. По пути к месту проведения аттестации он продолжал увлеченно делиться сплетнями:

— Кстати, слышал про новенького из первого класса? Это же просто уму непостижимо! Парень только перевелся, а его уже завалили любовными письмами. Да и в учебе он монстр — сразу взлетел на верхние строчки доски почета. Зовут его как-то на «Ш»... А, вспомнил, Се И.

При упоминании этого имени сердце Нань Цзиня болезненно сжалось.

В этот момент на поле как раз прогремел стартовый выстрел для очередной группы бегунов. Мяо Цзиньли указал рукой в сторону спортивной площадки:

— Воробей, глянь туда. Вон он, Се И. Опять вокруг него толпа девчонок. Сейчас идут школьные отборочные, и он играет за первый класс на позиции лидера.

Нань Цзин невольно проследил за его жестом. На залитой солнцем площадке двигался высокий, ладно сложенный юноша. На нем была простая белая рубашка, на нагрудном кармане которой покачивалась изящная цепочка из золота и серебра. В чертах его лица сквозила странная, почти божественная мягкость.

Сквозь ячейки металлической сетки ограждения было видно, как Се И небрежно перехватил мяч, мгновенно сгруппировался и в высоком прыжке совершил агрессивный трехъяковый бросок. Мяч со свистом провалился в корзину. Трибуны тут же взорвались аплодисментами и восторженным свистом.

Если аура Бай Гуаньиня колола ледяным холодом, то этот юноша, при всей своей кажущейся мягкости, излучал подавляющую, абсолютную власть. Один его взгляд заставлял цепенеть, подчиняя чужую волю и рождая непреодолимое желание... преклонить колени.

Се И почувствовал на себе внимание и повернул голову. В его глазах, подсвеченных золотом предзакатного солнца, сквозило мягкое, но непреклонное торжество лидера.

Столкнувшись с ним взглядом, Нань Цзин вздрогнул, словно от сильного разряда тока. По телу пробежала волна озноба.

В ту же секунду, стоило их глазам встретиться, все камеры видеонаблюдения на территории школы разом вышли из строя. Экраны мониторов, транслировавшие ход соревнований, мгновенно затянуло чернотой.

[Офигеть! Что стряслось? Я вообще-то на Бай Гуаньиня пришел посмотреть!]

[Да блин, этот Нань Цзин тупо за счет мордашки выезжает.]

[С этим Карандашным духом явно что-то нечисто.]

[Да кто вообще этот Се И?! Он толком в кадре не появился, а трансляция уже упала!]

[Народ... шепотом скажу: имя Се И носит один очень крутой босс. Говорят, он лично зашел в этот раунд. Чисто слухи, конечно, но все же...]

[Как же бесит этот Нань Цзин. То под крылом у небесного мастера Бай Гуаньиня греется, то теперь с этим боссом связан. Реально на чужом горбу в рай едет.]

[Похоже, в орденах заклинателей одни слабаки перевелись.]

[Кто-нибудь нарыл инфу, что стряслось в Старшей школе Сунлинь три года назад? Скорее бы уже этот ритуал начался!]

[Я нашел. Три года назад здесь друг за другом погибли семеро учеников. У каждого не хватало какой-то части тела... Из этих ошметков потом собрали одного уродливого кадавра.]

[Выходит, ровно по числу участников ритуала?]

[Ставлю на то, что Нань Цзин склеит лапы первым.]

Нань Цзин поспешно отвел глаза и резко развернулся, шагая прочь от спортивной площадки. Дыхание перехватило. Грудь сдавило так, словно сердце зажали в тиски. Он судорожно хватал ртом воздух, чувствуя себя выброшенной на берег рыбой.

«Что со мной? Он меня заколдовал или опоил чем-то?»

Мяо Цзиньли ускорил шаг, догоняя приятеля:

— Эй, Нань Цзин, ты чего? На тебе лица нет.

— Все в порядке, — постарался он придать голосу ровность. — Просто устал немного.

«Нужно держаться от этого Се И как можно дальше. Он слишком опасен».

Мяо Цзиньли не стал допытываться. Поскольку их номера в списке на аттестацию стояли в самом конце, ребята устроились на брусках и лениво наблюдали за остальными. Когда наконец подошла очередь Нань Цзиня и он закончил со всеми нормативами, солнце уже клонилось к закату. Стрелки часов приближались к шести вечера.

— Черт! — Нань Цзин внезапно хлопнул себя по лбу. — Я же обещал угостить Бай Гуаньиня в малом кафе!

«Я ведь сам позвал его пообедать, а сейчас уроки уже закончились. Наверное, он давно ушел».

Он обеспокоенно огляделся по сторонам, ища глазами площадку, где занимался класс Бай Гуаньиня, но стадион уже опустел.

Кроваво-красные лучи заходящего солнца заливали безлюдное поле. Несмотря на то что было всего шесть часов, на стадионе не осталось ни души, кроме Нань Цзиня и Мяо Цзиньли. Огромное открытое пространство казалось вымершим и оттого пугающе чужим.

Нань Цзин нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает смутное беспокойство.

— Слушай, Мяо Цзиньли... тебе не кажется, что здесь как-то слишком тихо?

Было ощущение, будто все ученики и преподаватели двигались по строго заданному, невидимому расписанию. Обычно в это время, даже если все спешили на ужин, кто-то обязательно задерживался в раздевалках, плелся через поле или просто прогуливал занятия. Но сейчас вокруг не было вообще никого.

Мяо Цзиньли, не отличавшийся особой чувствительностью, сделал внушительный глоток лимонада из пластиковой бутылки и беспечно хмыкнул:

— Да что тут может быть не так? Не переживай ты так, Бай Гуаньинь не из тех, кто дуется по пустякам. Напиши ему сообщение, объясни все. Пошли скорее в кафе, я проголодался как собака.

«Да тут все не так!»

Сдерживая внутреннюю дрожь, Нань Цзин все же побрел следом за другом. Возвращаться в раздевалку, чтобы сменить спортивную форму на повседневную одежду, ему отчаянно не хотелось — даже если та жуткая фигура была лишь игрой его воображения, одна мысль о сыром полумраке вызывала у него отторжение.

Солнце стремительно уходило за горизонт. Нань Цзин не заметил, что его собственная тень, растянувшаяся по асфальту, постепенно становилась все бледнее и прозрачнее.

Едва они поднялись по ступеням малого кафе, как Мяо Цзиньли победно ткнул пальцем в сторону панорамного остекления:

— Ну вот, видишь! Вон твой Бай Гуаньинь сидит у окна, ждет тебя как ни в чем не бывало. А ты переживал.

Нань Цзин проследил за его взглядом. Но стоило ему сделать шаг в сторону столика, как по спине пробежал холодок. Он резко обернулся.

Из противоположного крыла здания, прямо на фоне угасающего багрового заката, навстречу ему шел Се И. Его белая рубашка казалась золотистой в последних лучах солнца. Он скользнул по Нань Цзиню ленивым, глубоким взглядом, полным гипнотической, затягивающей нежности.

<http://bllate.org/book/19041/1979481>